

© А.В. Кобзев

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧУВАШСКИХ И МОРДОВСКИХ КРЕСТЬЯН СЕЛА ВЕРХНИЕ КОКИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Ключевые слова: мордва, чуваша, Верхние Коки, Симбирская губерния, брачные круги, брачные отношения, внешнепоселенческие браки, внутриселенческие браки

В статье рассматриваются брачные отношения чувашских и мордовских крестьян с. Верхние Коки Сенгилеевского уезда Симбирской губ. в период с 1784 по 1917 г.; анализируются динамика и доля внутри- и внешнепоселенческих браков, формирование и изменение локального брачного рынка, иерархия брачных связей, динамика и доля межэтнических браков. В ходе исследования было выяснено, что в конце XVIII – начале XX в. обе этнические группы придерживались сходных брачных стратегий: были закрыты для межнациональных браков и в то же время активны в поиске и выборе жен за пределами родного села; доля межнациональных браков была минимальной. Территориально брачные отношения не выходили за пределы Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губ. и выстраивались с сородичами других локальных брачных рынков, также расположенных в преобладающем русском окружении.

DOI: 10.31857/S086954150002456-1

Среднее Поволжье – регион, сложившийся в результате колонизационных процессов, сопровождавшихся формированием сложной поселенческой структуры, в т.ч. образованием многонациональных и поликонфессиональных населенных пунктов. Селения располагались в этноконтактных зонах в условиях дисперсного расселения поволжских народов, нередко на периферии или значительном удалении от этнически однородных районов.

Демографическое воспроизводство, включая и брачное поведение населения, зависело от множества социальных факторов. Чувашские и мордовские семьи были патриархальными: родители, определявшие выбор жен и мужей для своих детей, руководствовались в т.ч. сложившимися традиционными воззрениями на брак. В расчет принимались физическая и умственная полноценность, нравственные и деловые качества избранника, имущественное, социальное положение и родословная его семьи (Мокшина 2003: 53–54, 56–59, 90; Фокин 2002: 72). Учитывались брачные

Александр Викторович Кобзев | <http://orcid.org/0000-0002-8380-5482> | alkobzev@yandex.ru | к.и.н., специалист | Автономная некоммерческая организация “Центр стратегических исследований Ульяновской области” (ул. Радищева 116а, Ульяновск, 432011, Россия)

запреты: у чувашей и мордвы считалось невозможным заключение союзов вплоть до седьмого колена родства (Мокшина 2003: 71–72; Фокин 2002: 67). В больших мордовских селениях с отдельными общинами невест обычно брали из своего селения, но из другого общества (Балашов 1995: 212–213). Как правило, брачные круги мордвы охватывали близлежащие селения, брачный ареал, однако, нередко не выходил за пределы собственного населенного пункта; бытовали строгие запреты вступать в брак с жителями другого села (Мокшина 2003: 74–75). У чувашей, наоборот, считалось “нежелательным” брать в жены невест-односельчанок, которые по традиции приравнялись к родственникам. В начале XIX в. этот запрет стали обходить, а в XX в. и вовсе перестали соблюдать (Фокин 2002: 68–69, 86).

В условиях преобладающего иноэтнического окружения возможности выбора невест и женихов были ограничены пределами собственного селения и наличием/отсутствием ближайших этнически родственных поселений. Малые локальные нерусские социумы неизбежно вступали в многообразные общественные отношения с окружающим их русским населением, оказывая и одновременно испытывая на себе разнообразное социокультурное воздействие. В этих условиях сохранение этнической идентичности и поддержание целостности этнической группы строилось на основе укрепления родственных связей за счет внутри- и внешнепоселенческих браков. Предлагаемая статья посвящена анализу брачного поведения малых локальных социумов мордовских и чувашских крестьян с. Верхние Коки¹ в условиях русского окружения.

В 1870-е годы в Симбирской губ. насчитывалось 110 татарских, 303 чувашских и 158 мордовских населенных пунктов (Памятная книжка 1879: 93). С 1897 по 1911 г. общее количество селений выросло на 110 (с 1868 до 1978) (Николаев 1990: 85). К 1911 г. число смешанных сел и деревень, поселков и хуторов достигло 114. Среди них было 25 русско-чувашских, 2 русско-татарских, 22 русско-мордовских, 3 чувашско-мордовских, 2 мордовско-татарских, 23 чувашско-татарских и 1 чувашско-мордовско-татарское селение (Николаев 1990: 78). Остальные 36 — это хутора и поселки, появившиеся сравнительно недавно, населенные местными жителями, преимущественно русскими и переселенцами из западных губерний Российской империи — латышами, эстонцами, белорусами и украинцами².

Верхние Коки — одно из немногих чувашско-мордовских селений. Оно находилось в юго-восточной части Симбирской губ. в окружении преобладающего по численности русского населения. В начале XX в. по данным дореволюционной статистики доли чувашей и мордвы в общей численности населения Сенгилеевского уезда равнялись 4,37% и 8,57% соответственно. Более двух третей всех чувашей Симбирской губ. относительно компактно проживало в Курмышском (26,2%) и Буинском (50,37%) уездах; две трети всей мордвы приходилось на Алатырский (22,37%) и Ардатовский (39,31%) уезды (Первая всеобщая 1904: 2–3). В “Подворной переписи Симбирской губернии” 1910–1911 гг. приводятся несколько иные данные, но общая картина остается прежней: более двух третей чувашей проживало в Курмышском (25,7%) и Буинском (43,6%) уездах, мордвы — в Алатырском (29,8%) и Ардатовском (39,8%) уездах. В Сенгилеевском уезде доли чувашей и мордвы незначительно выросли и составили 6,3 и 11,9%³.

Во второй половине XIX — начале XX в. Верхние Коки относились к Собакинской волости Сенгилеевского уезда. В “Списке населенных мест Симбирской губернии”, изданном в 1863 г., приводятся данные на 1859 г.: в деревне Верхние Коки⁴ насчитывалось 1378 человек; жители в документе не дифференцированы по этническому признаку. Эта особенность фиксации населения характерна и для всех последующих изданий “Списков населенных мест Симбирской губернии”, опубликованных

в 1884, 1897 и 1913 гг. В “Подворной переписи крестьянских хозяйств Сенгилеевского уезда” также указана общая численность нерусского населения Собакинской волости. Только в “Списках инородческих селений Казанского учебного округа” за 1870 г. приводятся отдельно данные по мордве и чувашам с. Верхние Коки.

Таблица 1

Численность чувашей и мордвы в Собакинской волости Сенгилеевского уезда Симбирской губернии в 1858–1913 гг.⁵

Годы	1859		1866/69		1884		1897		1911		1913	
	числ.	доля (%)	числ.	доля (%)	числ.	доля (%)	числ.	доля (%)	числ.	доля (%)	числ.	доля (%)
Чуваши	1388	15,4	527		1916	17,9	2119	19,3	2495	22,9	2760	22,8
Мордва	—	—	776		—	—	198	1,8	196	1,8	396	3,2
Эстонцы	—	—	—	—	—	—	198	1,8	196	1,8	396	3,2
Русские	7555	84,6	—	—	8747	82,1	8639	78,9	8192	75,3	8905	74,0
Итого	8933	100,0	—	—	10663	100,0	10956	100,0	10883	100,0	12061	100,0

По материалам ревизии 1834 г. все жители д. Верхние Коки относились к разряду ясашных крестьян. Их общая численность равнялась 1030 человек: 424 чуваша (41,2%) и 606 мордвы (58,8%)⁶. По неопубликованным данным Губернского статистического комитета на 1866–1869 гг. в селе, при общей численности 1303 человека, проживало 527 чувашей и 776 мордвы⁷. Доля первых равнялась 40,45%, вторых — 59,55%. В 1870 г. по данным “Списков инородческих селений Казанского учебного округа” насчитывалось мордвы 902, чувашей — 596 человек (Списки 1870: 158). В течение 36 лет, с 1834 по 1870 г., доля чувашей снизилась (с 41,2% до 39,8%), а мордвы возросла (с 58,8% до 60,2%) на 1,4%.

К 1913 г. общая численность жителей с. Верхние Коки увеличилась в 1,8 раза и составила 2547 человек (СНМ 1913: 202). 213 мордовских крестьян проживало также в недавно образованных поселках Ерыклинский, Соколов, Рытый Куст и Жадаевых. Соответственно, всего в волости насчитывалось 2760 представителей обеих этнических групп. Если экстраполировать доли чувашей и мордвы периода 1866–1869 гг. на 1913 г., то можно рассчитать численность: для первых — 1010, для вторых — 1485 человек. Во второй половине XIX — начале XX в. доля мордовского и чувашского населения в Собакинской волости Сенгилеевского уезда увеличилась на 7,4%. Доля русских за 60 лет снизилась на 10,6% (см.: Табл. 1).

Метрические книги с. Верхние Коки охватывают 134-летний период — с 1784 по 1917 г. Временные лакуны в них в совокупности составляют 46 лет. За 88 лет без учета временных пропусков было заключено 1225 браков, из них 673 — между односельчанами и 552 — с крестьянками окрестных селений. Доля внутрипоселенческих браков составила 54,94%, внешних — 45,06%. В среднем в год в селе заключалось 13,9 брака (7,6 — внутрипоселенческих и 6,3 — внешних). Практически каждая вторая невеста была родом из соседних сел/деревень (см.: Табл. 2).

В 1784–1840 гг. было зарегистрировано 237 браков. В среднем в год в д. Верхние Коки по православным обрядам женилось 5,9 пары, а максимальное количество не превышало 11. Сравнительно мало браков (1–2) было зарегистрировано в приходской церкви с. Нижние Коки в 1784–1786, 1799–1800, 1816, 1824 гг. Примерно с начала 1850-х годов среднегодовые значения общего количества браков возрастают в 3,5 раза (см.: Табл. 2 и 3).

Таблица 2

Показатели брачности крестьян с. Верхние Коки в 1784–1917 гг.⁸

	Все браки			Браки м/д односельчанами			Внешние браки		
	1784–1917	1784–1840	1852–1917	1784–1917	1784–1840	1852–1917	1784–1917	1784–1840	1852–1917
Кол-во	1225	237	988	673	96	576	552	141	411
Доля (%)	100	100	100	54,9	40,51	58,36	45,1	59,49	41,64
В среднем	13,9	5,92	20,56	7,6	2,4	12,0	6,3	3,52	8,56

Таблица 3

Динамика количества браков в с. Верхние Коки в 1784–1840 гг.⁹

	Годы									
	1784	1785	1786	1787	1789	1790	1791	1792	1793	1794
Общее кол-во браков	2	2	1	3	6	3	6	6	6	8
Кол-во внутрипоселенческих браков	0	2	1	0	2	2	0	3	0	1
Кол-во внешних браков	2	0	0	3	4	1	6	3	6	7
	1795	1796	1797	1799	1800	1814	1816	1818	1819	1820
Общее кол-во браков	9	2	4	1	2	8	1	3	5	7
Кол-во внутрипоселенческих браков	2	1	2	0	1	5	0	2	4	2
Кол-во внешних браков	7	1	2	1	1	3	1	1	1	5
	1821	1822	1823	1824	1825	1826	1827	1828	1829	1830
Общее кол-во браков	11	5	11	2	5	9	5	9	3	3
Кол-во внутрипоселенческих браков	3	1	5	2	2	4	3	4	2	1
Кол-во внешних браков	8	4	6	0	3	5	2	5	1	2
	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840
Общее кол-во браков	6	8	10	10	8	8	11	6	11	11
Кол-во внутрипоселенческих браков	1	2	5	5	3	4	3	5	4	7
Кол-во внешних браков	5	6	5	5	5	4	8	1	7	4

В 1852–1917 гг. в селе в среднем в год регистрировалось 20 браков, всего за это время их было оформлено 987, т.е. больше, чем за весь предшествующий период. По существу, во второй половине XIX — начале XX в. произошло четырехкратное увеличение браков (с 237 до 987), заключенных по обрядам православной церкви. Максимальные значения (31–34 брака) были зафиксированы в 1891, 1900, 1903 и 1908 гг., а минимальные (12–15) в 1852, 1855–1856, 1885, 1887, 1897, 1899, 1917 гг. (см.: Табл. 2 и 4). Коэффициент брачности в селе снизился с 15,9 промилле в 1859 г. до 10,9 в 1913 г.¹⁰ В Российской империи наибольшее снижение коэффициента брачности крестьян было характерно для перенаселенных центральных земледельческих великоросских (напр., в Рязанской губернии — с 13 до 8 промилле) и украинских губерний, наименьшее — для промышленно развитых территорий. Снижение брачности коррелировало с сокращением количества пахотной земли и угодий на душу населения (Миронов 2003: 173). По-видимому, эта тенденция могла быть характерна и для ряда губерний Среднего Поволжья, например для Симбирской¹¹, которая

традиционно считалась аграрной, и промышленность которой была слабо развита (Клейн 2001: 363–364; Ульянов 2010: 102). В среднем среди исповедующих православие, включая русское и нерусское население, коэффициент брачности составлял 8,7 на 1000 жителей (Миронов 2003: 207). Среди чувашей и мордвы с. Верхние Коки этот показатель (10,9 на 1000 жителей в 1913 г.) был выше.

На каждом из выделенных этапов¹² временные лакуны в метрических книгах примерно одинаковы и составляют: 1784–1840 гг. – 17, 1852–1917 гг. – 18 лет. При отсутствии временных пробелов динамика брачности вряд ли изменилась бы коренным образом и, скорее всего, среднегодовые значения остались бы прежними: примерно 6 (1784–1840) и 20 (1852–1917 гг.) браков. В данных периода 1841–1851 гг. (т.е. того промежутка времени, когда, по всей видимости, и произошел перелом в религиозных настроениях чувашей и мордвы д. Верхние Коки) обнаружилось 11 временных лакун.

Таблица 4

Динамика количества браков в с. Верхние Коки в 1852–1917 гг.¹³

	Годы											
	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863
Общее кол-во браков	15	22	17	12	12	24	21	22	29	15	15	22
Кол-во внутрипоселенческих браков	6	10	9	6	7	5	3	7	9	5	7	12
Кол-во внешних браков	9	12	8	6	5	19	18	15	20	10	8	10
	1868	1875	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1890	1891
Общее кол-во браков	21	18	16	20	20	16	12	24	15	22	20	34
Кол-во внутрипоселенческих браков	12	8	10	10	10	9	9	12	12	14	13	18
Кол-во внешних браков	9	10	6	10	10	7	3	12	3	8	7	16
	1892	1893	1895	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Общее кол-во браков	16	26	22	15	27	15	32	21	18	31	17	23
Кол-во внутрипоселенческих браков	11	16	15	10	19	11	25	14	12	24	9	15
Кол-во внешних браков	5	10	7	5	8	4	7	7	6	7	8	8
	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Общее кол-во браков	21	22	31	19	16	22	21	28	24	23	19	15
Кол-во внутрипоселенческих браков	15	19	23	9	10	16	14	16	16	16	10	9
Кол-во внешних браков	6	3	8	10	6	6	7	12	8	7	9	6

В 1784–1840 гг. между односельчанами было заключено 96 (40,51%) браков, с крестьянами соседних селений – 141 (59,49%), т.е. до середины XIX в. православные крестьяне д. Верхние Коки чаще женились на невестах из других сел и деревень. В 1852–1917 гг. меняются общее количество, средние показатели и доли внутри- и внешнепоселенческих браков. По сравнению с предшествующим периодом число союзов между односельчанами увеличилось в шесть раз (с 96 до 576), их доля выросла на 17,85%, составив 58,36%; в среднем в год стало заключаться 12 браков, т.е. в пять раз больше. Еще существенней эти различия выглядят на рубеже 1861–1862 гг., когда была проведена крестьянская реформа. Так, в 1784–1861 гг. доля внутрипоселенческих браков в среднем составляла 38,3%, а в 1862–1917 гг. – 63,8%. Это могло быть связано с тем, что после обретения личной свободы и возможности распоряжаться

земельной собственностью крестьяне стремились удержать участки наделной земли и рабочую силу (женщин) в пределах своей общины.

Количество внешних союзов в 1852–1917 гг. также выросло, но всего в 2,9 раза (с 141 до 411). С жителями соседних селений стало заключаться в среднем 8,56 брака. При этом их доля снизилась до 41,64% (см.: Табл. 2). Если до середины XIX в. шесть невест из десяти были уроженками других сел и деревень Симбирской губ., то к началу XX в. — только четыре.

Различия в количественных показателях общей брачности в 1784–1840 и 1852–1917 гг., по-видимому, отражают масштабы и глубину укоренения православной веры среди мордовских и прежде всего чувашских крестьян. Массовая христианизация нерусских народов Среднего Поволжья приходится на 1740–1760-е годы. Крещением местного населения занималась Новокрещенская контора. Обращение нерусского населения в православную веру было формальным, и многие неофиты, приписанные к церковным приходам, по сути оставались приверженцами своих прежних религиозных традиций. Во второй половине XVIII вплоть до середины XIX в. многие крещеные народы Среднего Поволжья, по определению православных миссионеров, были склонны к “отпадению” от христианской церкви в свои языческие верования и к переходу в ислам; параллельно оформляются и различные варианты православно-языческого и языческо-православного синкретизма¹⁴. В первой половине XIX в. меняется миссионерская деятельность Русской православной церкви. Ее задачи сводятся не к расширению паствы, а к удержанию в лоне церкви уже обращенных в православие неофитов и к оказанию противодействия исламизации отдельных народов: чувашей, марийцев, удмуртов. В это время основываются православные нерусские монастыри, издается богослужебная литература на языках местных нерусских народов, эти языки используются в церковном богослужении и чтении проповедей¹⁵. Устойчивые группы приверженцев православия стали формироваться к середине XIX в., а среди чувашей переориентация с языческих традиционных верований на православие произошла позже, только в 1870–1880-е годы. У крещеной мордвы, которая считалась наиболее укорененной в православной вере, в первой половине XIX в. все еще встречались прецеденты заключения брака по традиционным мордовским обрядам, и только к концу XIX — началу XX в. венчание стало необходимым условием признания брака юридически оформленным (Мокшина 2003: 118–119). В полной мере выраженная православная направленность нерусского населения Среднего Поволжья — явление второй половины XIX в. (Таймасов 2004: 91–93, 107).

В Симбирской и Казанской губерниях “решительное” обращение чувашей в православную веру относят к 1840-м годам (Салмин 2012: 315–316). В конце 1850-х годов в Симбирской губ. была продолжена политика крещения все еще остававшихся в язычестве чувашей. В Симбирском и Буинском уездах под руководством чиновников удельной конторы с августа 1857 по февраль 1858 г. было крещено около 1000 чувашей-язычников (Кобзев 2013: 123). В ревизских сказках 1834 г. все жители д. Верхние Коки были записаны под русскими именами и фамилиями и, по крайней мере номинально, считались православными христианами. Некрещеных чувашей и мордвы в деревне не было¹⁶. В 1836–1839 гг. в Верхних Коках была выявлена небольшая группа старообрядцев поморской секты общей численностью 29 человек (10 мужчин и 19 женщин — все ближайшие родственники), созданная в 1821 г. и просуществовавшая примерно 15 лет¹⁷. Увеличение общего количества браков в период с 1840 по 1852 г., скорее всего, было связано с естественным ростом численности населения деревни. За 25 лет, с 1834 по 1859 г., она увеличилась в 1,3 раза (на 348 чел.). Вместе с этим, по всей видимости, произошел и своеобразный перелом в религиозных настроениях местных жителей. В поселении стало больше православных, осоз-

нанно соблюдавших обряды жизненного цикла (крещение, венчание, похороны), включая и тех, кто прежде в быту не всегда им следовал, хотя и был крещен. Пусть мы не располагаем фактическими данными метрических книг за период с 1841 по 1851 г.¹⁸, но можем допустить, что в это время увеличение общего количества браков могло быть плавным и поступательным.

В начале XX в. (за весь наблюдаемый период) наибольшее число союзов, заключенных между односельчанами с. Верхние Коки, было зафиксировано в 1900, 1903 и 1908 гг.: от 23 до 25. Минимальный показатель внутриселенческой брачности был отмечен в 1858 г.: три брака (см.: Табл. 4). До середины XIX в. наибольшее количество внутриселенческих союзов (7) было зарегистрировано в 1840 г., а в 1784, 1787, 1791, 1793, 1799, 1816 гг. не было заключено ни одного брака между православными односельчанами (см.: Табл. 3).

Максимальное количество внешних браков (19, 18 и 20) крестьян с. Верхние Коки с жителями окрестных сел и деревень было зафиксировано в 1857–1858 и 1860 гг., а минимальное (3–4 брака) — в 1885, 1887, 1899, 1907 гг. (см.: Табл. 4). До середины XIX в. больше всего браков (8) было зарегистрировано в 1821 и 1837 гг. При этом в 1785–1786 и 1824 гг. не было заключено ни одного такого брака (см.: Табл. 3).

Брачный рынок жителей с. Верхние Коки включал 32 населенных пункта: 25 располагались в Симбирской, шесть — в Самарской (2), Саратовской (2), Пензенской (1) и Вятской (1) губерниях¹⁹, местоположение последнего (где жили чувашаи) не выяснено, т.к. не удалось прочесть его название в метриках²⁰. Среди этих поселений было десять чувашских, восемь русских, шесть мордовских, два мордовско-русских и три русско-чувашских; в с. Солянки Николаевского уезда Самарской губ. проживали русские, украинцы и мордва²¹.

В 1784–1917 гг. было заключено 13 межнациональных браков (2,36% от общего числа), 11 из которых (84,6%) — во второй половине XIX — начале XX в. (с жителями с. Большая Борла в 1858 и 1868 гг., с. Елшанка — 1858 г., Царево Никольское — 1852 г., Молвино — 1868 и 1906 гг., Воскресенка — 1885 г., Большие Березники — 1903 г., Сабурово Мачкас — 1906 г., Рахманки — 1912 г.). Еще два брака было зарегистрировано в 1792 и 1838 гг.: за крестьян д. Верхние Коки были отданы крестьянки из русских селений Гладчиха и Батраки²². Вопрос о национальности женихов остается открытым: она не указана в метрических книгах сел Нижние и Верхние Коки. Мы не можем однозначно сказать, сколько из 13 браков было мордовско-русских и чувашско-русских. В свою очередь, национальность невест из этнически однородных селений, даже в тех случаях, когда она не указана, может быть частично проверена по сведениям “Списков населенных мест” и “Подворной переписи Симбирской губернии”²³.

По всей видимости, межнациональные браки в конце XVIII — первой половине XIX в. были мало распространены. Чувашаи, как и мордва, старались создавать семьи в пределах своего этнического окружения. Отмена крепостного права и рост социальной мобильности крестьян, общая конфессиональная принадлежность (православие), преобладающее иноэтническое (русское) окружение — все это способствовало увеличению количества браков между русскими и чувашами, русскими и мордвой. Тем не менее зарегистрировано лишь по два случая, когда женщины из русских селений Большая Борла, Молвино и Царево-Никольское были взяты в жены крестьянами с. Верхние Коки; между этими браками прошло 38 (Молвино), 10 (Большая Борла) и 8 лет (Царево-Никольское) (см.: Табл. 5).

Доля внешних этнически эндогамных браков за весь наблюдаемый период составила 97,65%, где 40,04% — союзы между чувашами и 57,61% — между мордвой. В метрических книгах приходской церкви с. Верхние Коки браки между чувашами и мордвой из других населенных пунктов не зафиксированы. В 1823 г. был зарегистри-

стрирован всего один межнациональный брак между жителями тогда еще деревни: жених — мордвин 19-ти лет, невеста — чувашка 20-ти лет (ГАУО 1: Оп. 13. Д. 2. Л. 299).

В 1784—1917 гг. в с. Верхние Коки между односельчанами было заключено 673 брака (подсчет велся по мужчинам), но в метрических книгах лишь по 260-ти есть данные о национальности жениха и невесты: 165 союзов (63,71%) были мордовскими и 94 (36,29%) чувашскими. В записях по остальным 413 бракам этническая принадлежность пары не указана. Из дореволюционных статистических материалов известно, что в 1866—1869 гг. в селе проживало 526 (40,45%) чувашей и 776 (59,55%) мордвы (ГАУО 3: Оп. 1. Д. 362. Л. 21). Можно допустить, что это соотношение существенно не изменилось за 40 лет к началу XX в. Примерные доли моноэтнических внутрипоселенческих браков можно вывести с учетом долей чувашей и мордвы, проживавших в с. Верхние Коки. Соответственно, из 413 союзов, по которым не указана национальность брачующихся, 167 (40,45%) могли быть заключены между чувашами и 246 (59,5%) между мордвой. Если суммировать все данные, то получим следующее: из 673 внутрипоселенческих браков 411 (61,07%) были предположительно заключены между мордвой и 262 (38,93%) между чувашами. Можно рассчитать доли внутри- и внепоселенческих браков: у мордвы первые составят 56,38% (411 браков), вторые — 43,62% (318 браков), а у чувашей — 54,24% (262 брака) и 45,76% (221 брак) соответственно. Эти значения коррелируют с данными по селу в целом: 54,9% (браки между односельчанами) и 45,1% (браки с женщинами из соседних селений).

У обеих этнических групп Верхних Кок были похожие стратегии брачного поведения. При отсутствии межнациональных браков (доля союзов, заключенных с русскими, была минимальна) и у чувашей, и у мордвы каждая вторая невеста была родом из других сел и деревень преимущественно Симбирской губ. И те, и другие были открыты для выстраивания родственных отношений с жителями соседних населенных пунктов, стараясь при этом сохранять этническую гомогенность.

Брачный рынок мордовских крестьян с. Верхние Коки включал четыре брачных круга. Первый, или ядро, составляли брачные отношения с мордвой из соседнего с. Нижние Коки²⁴, на долю которых приходилось 59,12% всех внешних браков. Каждая вторая невеста, взятая в жены мордовскими женихами из с. Верхние Коки, была уроженкой с. Нижние Коки. Второй круг образовывали браки с жителями селений Тумкино, Алёшкино и Ерёмкино, в совокупности на них приходилось 32,7% всех внешних моноэтнических союзов. В основе третьего круга лежали брачные отношения с жителями с. Томылово (5,97%). На периферии (четвертый круг) оставались браки с мордвой из сел Еделево, Кузоватово, Солянки и Старая Бинарадка, на их долю приходилось всего 2,19% всех внешних браков (см.: Табл. 5).

Мордовские поселения, относившиеся к первому, второму и третьему брачным кругам, располагались в пределах Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губ. на сравнительно небольшом расстоянии от Верхних Кок — в радиусе 3—24 км. Ближайшее — с. Нижние Коки — находилось в 3,3 км. Между количеством браков, интенсивностью их заключения и расстоянием до поселений прослеживается четкая зависимость (см.: Табл. 5). Территориальный фактор был значим в выстраивании семейных союзов крестьян с. Верхние Коки с сородичами из соседних мордовских селений: чем дальше населенные пункты находились друг от друга, тем меньше браков заключалось между их жителями (см.: Табл. 5). Такое брачное поведение мордвы вполне укладывается в бытовавшие у них брачные традиции: брать в жены невесту по возможности из ближайших селений, что позволяло поддерживать тесные отношения с ее родителями и родственниками (Мокшина 2003: 74).

Из этого правила есть одно исключение: с невестами из Тумкино (18,2 км) союзы заключались чаще, чем с алёшкинскими (13,2 км) и ерёмкинскими (14,0 км).

В выстраивании брачных отношений, по-видимому, наряду с расстоянием играло свою роль и географическое направление. Нижние Коки, Ерёмкино и Алёшкино находились к югу от Верхних Кок, а Тумкино — к северу/северо-востоку. Селения Сенгилеевского и Сызранского уездов, отнесенные к третьему и четвертому брачным кругам, располагались к западу/юго-западу от Верхних Кок.

Таблица 5

Брачные территориальные предпочтения мордвы с. Верхние Коки в 1784–1917 гг.²⁵

Поселения	К-во браков	Доля браков (%)	Расстояние до н.п. (км)	Этнический состав	Статус н.п.	Численность населения
Нижние Коки	188	59,12	3,3	мордва	село	3333
Тумкино	39	12,26	18,2			1902
Алёшкино	35	11,01	13,2		деревня	1258
Ерёмкино	30	9,43	14,0		село	1408
Томылово	19	5,97	23,5			4173
Кузоватово	4	1,26	32,0			3860
Еделево	1	0,31	35,3			4392
Солянки	1	0,31	270,0	русские, малоросы, мордва		2434
Старая Бинарадка	1	0,31	120,0	русские, мордва		4517

Браки между мордовскими крестьянами Верхних и Нижних Кок регистрировались с периодичностью один раз в 1–2 года. С учетом временных лагун в статистике получается, что союзы между жителями этих поселений заключались на протяжении 67 лет. В 1784–1787, 1789–1792, 1795–1796, 1800, 1819–1821, 1823–1824, 1827, 1830, 1836 гг. не было оформлено ни одного брака. Всего же в 1784–1840 гг. их было заключено 24, в среднем по 0,6 в год, т.е. каждые два года жених из с. Верхние Коки брал в жены невесту из с. Нижние Коки. В 1852–1917 гг. интенсивность заключения брачных отношений возросла многократно, за это время было оформлено 164 семейных союза; только в 1907 г. не было ни одного брака²⁶. В среднем в год регистрировалось 3,4 брака, т.е. в течение трех лет было взято десять жен из с. Нижние Коки. Количества невест, которыми обменивались эти селения, были примерно равными, а семейные союзы регистрировались регулярно на протяжении всего наблюдаемого периода. В 1783–1918 гг. женихи из с. Нижние Коки взяли в жены 206 невест из с. Верхние Коки²⁷.

Возможности сопоставления данных по бракам (и женитьбы, и замужества) с жителями других селений ограничены состоянием метрических книг, которые охватывают лишь небольшие промежутки времени: по с. Тумкино это 1885–1917 гг., по селам Алёшкино, Ерёмкино и Смолькино — 1880–1919 гг., Федькино и Байдулино — 1864–1918/1919 гг., Малячкино — 1891–1917 гг., Байдеряково — 1893–1918 гг.²⁸

В паре Верхние Коки — Тумкино браки между крестьянами регистрировались на протяжении 25 лет. В 1784–1840 гг. было заключено 14 союзов, средний показатель брачности составил 0,35 брака в год, т.е. невеста из Тумкино раз в три года выходила замуж за жениха из с. Верхние Коки. Браки заключались в 1789, 1791, 1793–1795, 1821, 1834–1835, 1837 и 1839 гг. В 1852–1917 гг. количество союзов, интенсивность и средние значения брачности несколько выросли. Крестьяне из Верхних Кок стали чаще жениться на девицах из Тумкино. За это время было заключено 25 браков, в среднем

по 0,5 в год, т.е. каждые два года мужчина из с. Верхние Коки женился на уроженке Тумкино²⁹.

Браки по линии Верхние Коки — Алёшкино заключались в целом в течение 27 лет. В 1784—1840 гг. их было оформлено 15, в среднем по 0,37 в год, т.е. ситуация была почти такой же, как и в паре Верхние Коки — Тумкино. Браки были заключены в 1784, 1787, 1791—1792, 1794—1795, 1820—1821, 1823, 1831—1832 и 1835 гг., но следует помнить о временных лагунах. В 1852—1917 гг. было зарегистрировано 20 союзов (в 1853—1854, 1858, 1860—1861, 1863, 1888, 1893, 1897—1898, 1904, 1906—1907, 1909, 1915 гг.)³⁰, в среднем по 0,4 в год, т.е. интенсивность заключения брачных отношений существенно не отличается от аналогичного показателя пары Верхние Коки — Тумкино.

В паре Верхние Коки — Ерёмкино браки заключались в целом на протяжении 20-ти лет. С 1784 по 1840 г. (а именно — в 1784, 1789, 1814, 1823, 1825, 1830, 1832, 1837 гг.) было зарегистрировано девять союзов (в среднем 0,2 брака в год), т.е. один раз в пять лет крестьянин из Верхних Кок брал жену из с. Ерёмкино. В 1852—1917 гг. количество браков выросло: был зарегистрирован 21 союз (в среднем 0,43 в год). Крестьяне из Верхних Кок стали чаще жениться на девицах из Ерёмкино: в среднем свадьбу играли один раз в три года³¹.

Браки мужчин из с. Верхние Коки с жительницами Нижних Кок, Тумкино, Алёшкино и Ерёмкино (и наоборот — мужчин из этих селений с девушками из Верхних Кок) заключались постоянно с различной периодичностью на протяжении всего 134-летнего периода. По всей видимости, брачный рынок мужчин-мордвы с. Верхние Коки включал жительниц Нижних Кок, Тумкино, Алёшкино и Ерёмкино задолго до рассматриваемого периода. Это могло произойти во второй половине XVII в., когда край активно осваивался русским и нерусским населением. Метрические книги приходских церквей Верхних и Нижних Кок отражают брачные отношения, устойчиво воспроизводившиеся на протяжении 2,5 столетия. К началу XX в. родственные связи между жителями этих селений продолжали укрепляться и развиваться.

Прямо противоположные тенденции были характерны для брачных отношений в парах Верхние Коки — Томылово, Верхние Коки — Кузоватово. За весь наблюдаемый период мужчины из с. Верхние Коки всего четырежды женились на крестьянках из с. Кузоватово: в 1789, 1794, 1797 и 1828 гг. (ГАУО 1: Оп. 13. Д. 2. Л. 33, 50об., 60об., 394). Брачные отношения с жителями с. Томылово также шли по нисходящей. В 1784—1840 гг. было заключено 12 браков, а в 1852—1917 гг. всего семь. При этом изменилось и среднегодовое значение брачности: в 1784—1840 гг. оно равнялось — 0,3, в 1852—1917 гг. — 0,14. Если в конце XVIII — первой половине XIX в. крестьяне из с. Верхние Коки хотя бы один раз в три года женились на девушках из с. Томылово, то во второй половине XIX — начале XX в. это случилось один раз в десять лет³².

Снижение количества браков (женитьб) в парах Верхние Коки — Томылово, Верхние Коки — Кузоватово во второй половине XIX — начале XX в. было связано с рядом исторических обстоятельств. Одно из них — изменение конфессиональной ситуации. В конце XIX в. общая численность старообрядцев среди мордвы составляла 2,5 тыс. человек (Данилко 2012: 200). В начале XX в. многие жители с. Томылово были старообрядцами (ГАУО 2: Оп. 1. Д. 1338. Л. 3об.), в то время как мордва из с. Верхние Коки исповедовала православие. В этот период среди мордвы Симбирской губ. наибольшее распространение получили секты духоборов и молокан (Мокшин 1998: 163).

Брачный рынок чувашей с. Верхние Коки также включал четыре брачных круга. Первый (ядро) образовывали союзы мужчин села с крестьянками Смолькино и Байдулино (49,77% всех внешних браков). Второй круг составляли браки с жи-

тельницами Федькино (19% браков), к третьему можно отнести девиц из Малячкино и Байдеряково (23,53% браков). Наконец, на периферии (четвертый круг) брачного рынка чувашей с. Верхние Коки находились крестьянки Елаур, Тайдаково, Старого Тукшума, Вырастайкино, Сенькино, Старой Лебежайки и Чувашской Кулатки³³: количество браков с невестами из этих поселений варьировало от одного до пяти в год, их доля была минимальной — в совокупности всего 7,68% (см.: Табл. 6).

Девять селений из 12, жители которых входили в брачный рынок чувашей с. Верхние Коки, относились к сенгилеевскому кусту чувашских поселений приволжской этнотерриториальной группы (*Ягафова* 2004: 267–268). На их долю приходилось 96,82% всех браков, заключенных женихами из Верхних Кок с чувашскими невестами из соседних сел и деревень за период 1784–1917 гг. Оставшиеся 3,18% — союзы с жительницами селений, относившихся к самаролукскому (Тайдаково) и неверкинско-кулаткинскому (Лебежайка и Чувашская Кулатка) кустам.

Таблица 6

Брачные территориальные предпочтения чувашей с. Верхние Коки в 1784–1917 гг.³⁴

Поселения	К-во браков	Доля браков (%)	Расстояние до н.п. (км)	Этнический состав	Статус н.п.	Численность населения
Смолькино	56	25,34	18,0	чуваша	деревня село	1294
Байдулино	54	24,43	22,7			1029
Федькино	42	19,00	22,5	русские, чуваша		1549
Малячкино	28	12,67	37,2	чуваша		1674
Байдеряково	24	10,86	31,2			1719
Елаур	5	2,26	49,5			3265
Тайдаково	4	1,81	53,8			1012
Старый Тукшум	3	1,36	28,3	русские, чуваша		1708
Вырастайкино	1	0,45	53,2	чуваша		1103
Сенькино	1	0,45	43,5	русские, чуваша		547
Старая Лебежайка	1	0,45	105,0	чуваша		
Чувашская Кулатка	1	0,45	105,0		село	
?	1	0,45	?		?	?

Чувашские поселения, относившиеся к первому, второму и третьему брачным кругам, находились в пределах Сенгилеевского и Сызранского уездов в радиусе 18–37 км от с. Верхние Коки. Ближайшим населенным пунктом была д. Смолькино (Сызранский уезд). С ее женщинами было зарегистрировано наибольшее количество союзов мужчин из с. Верхние Коки — 56. Линейная зависимость числа браков в с. Верхние Коки и расстояния между селениями не прослеживается. Возможной причиной такого брачного поведения могла быть чувашская традиция: невеста должна быть не ближе седьмого колена родства; это побуждало брать жен из отдаленных селений. Опираясь только на данные метрических книг, мы не можем подтвердить или опровергнуть это допущение. Тем не менее отметим следующие факты: Федькино и Байдулино, находившиеся практически на одинаковом расстоянии от с. Верхние Коки (22,5 и 22,7 км),

однако давали существенную разницу в количестве браков — 42 и 54 соответственно; Малячкино располагалось от Верхних Кок чуть дальше д. Байдеряково, но с крестьянками первого было заключено 28 браков, а с жительницами второго — 24; с. Старый Тукшум находилось в 28,3 км, и за весь рассматриваемый период с его жителями было заключено всего три брака, а с чувашками из с. Елаур, располагавшегося в 49,5 км, было зарегистрировано пять союзов; Малячкино и Байдеряково находились чуть дальше Старого Тукшума, а браков с их жителями было зарегистрировано более двух десятков. В то же время следует отметить, что населенные пункты первого брачного круга располагались на максимально близком расстоянии 18–22,7 км (см.: Табл. 6).

Если и есть прямая зависимость между количеством браков и расстоянием между селениями, то с наибольшей очевидностью для представителей обеих этнических групп она прослеживается в пределах первого брачного круга. Помимо территориальной близости предпочтительность направлений брачности могла быть связана с социальными характеристиками населения: принадлежностью в прошлом к категориям служилых и ясачных чувашей. В с. Верхние Коки, так же как и в Федькино и Байдулино, проживали бывшие ясачные чуваш³⁵. Оба эти селения не случайно отнесены нами к первому и второму брачным кругам. Малячкино и Байдеряково составляли потомки бывших служилых чувашей, и оба населенных пункта входили в третий брачный круг. Официально категории были отменены еще в 1723 г., но на деле чуваш³⁶ помнили о своем происхождении и во второй половине XVIII в. были склонны заключать браки с представителями “своего” социального круга (Ягафова 2007: 191). Другими словами, в пределах сенгилеевского куста чуваш³⁷ с. Верхние Коки отдавали предпочтение тем, кто в прошлом относился к той же социальной категории, — ясачным чувашам. Союзы с потомками служилых чувашей из Малячкино и Байдеряково были для них либо менее значимыми, либо менее достижимыми, т.к. жители этих сел предпочитали заключать браки в своей среде.

В рамках второго, третьего и четвертого брачных кругов брачное поведение становится более вариативным, зависимость между близостью/отдаленностью поселений и количеством браков приобретает нелинейный характер. Нет однозначной зависимости количества союзов от статуса населенного пункта (село, сельцо, деревня) и его этнического состава (однородный/неоднородный). Также не прослеживается связь между количеством браков и численностью населения. По всей видимости, все эти показатели (численность населения, статус населенного пункта, однородность/неоднородность этнического состава) были вторичными и существенно не влияли на брачное поведение чувашей и мордвы с. Верхние Коки.

Динамика брачных союзов мужчин в парах Верхние Коки — Смолькино и Верхние Коки — Байдулино имеет общие черты. В 1784–1840 гг. количество заключенных браков в этих парах было сравнительно небольшим: 14 и 8 соответственно. В среднем в год в этот период с крестьянками д. Смолькино заключалось 0,35, д. Байдулино — 0,2 брака: чуваш³⁸ из д. Верхние Коки один раз в три года женились на девицах из Смолькино и один раз в пять лет из д. Байдулино³⁶.

Во второй половине XIX — начале XX в. интенсивность оформления брачных отношений резко возрастает. В 1852–1917 гг. в среднем в год заключалось 0,83–0,95 брака, т.е. практически ежегодно мужчины из с. Верхние Коки женились на девицах из Смолькино (0,87), Федькино (0,83) и Байдулино (0,95)³⁷. Особенно активно в это время выстраивались родственные отношения между чувашами селений Верхние Коки и Федькино. Если в 1784–1840 гг. было зарегистрировано всего два брака (в 1821 и 1830 гг.) (0,05 в год), то в 1852–1917 гг. их было заключено 40 (в среднем 0,83 в год)³⁸. Браки регистрируются в течение 37 лет (Смолькино), 31 года (Байдулино) и 25 лет (Федькино).

Динамика брачных отношений с жителями селений третьего брачного круга (Малячкино и Байдеряково) была отрицательной. В 1784–1840 гг. среднегодовые значения количества браков были сопоставимы с аналогичными показателями первого круга с. Верхние Коки и даже превышали их. Например, с крестьянками с. Малячкино в это время было заключено 18 браков (среднегодовое значение – 0,45), т.е. больше, чем в паре Верхние Коки – Смолькино. Среднегодовое значение в паре Верхние Коки – Байдеряково равнялось 0,3 брака. В 1858–1917 гг. этот показатель снизился и составил 0,19 для обеих пар. Браки заключались в разные годы в течение 19 лет (Малячкино) и 14 лет (Байдеряково)³⁹.

В брачном поведении чувашей с. Верхние Коки (так же, как и у мордовских односельчан) прослеживается географическая направленность. Так, например, Смолькино расположено к югу, Федькино и Байдулино – к северо-востоку, а Малячкино и Байдеряково – к юго-востоку от Верхних Кок.

На периферии брачного рынка чувашей с. Верхние Коки находились союзы с сородичами из Старой Лебейки и Чувашской Кулатки Саратовской губ., Тайдаково, Старого Тукшума, Сенькино, Вырастайкино и Елаур, с их жителями браки были заключены последний раз довольно давно. Так, невесты из деревень Чувашская Кулатка и Старая Лебейка вышли замуж в Верхние Коки еще в конце XVIII в. (в 1791 и 1795 гг.), из Сенькино и Вырастайкино – в 1895 и 1900 гг. соответственно, из Старого Тукшума – в 1891, 1902 и 1905 гг.⁴⁰; больше (в рассматриваемый период) браки с жителями этих поселений не зарегистрированы. Собственно, в XIX – начале XX в. потенциальные женихи и невесты из этих населенных пунктов выпали из брачного рынка с. Верхние Коки, им на смену пришли крестьяне из других селений, располагавшихся в Сенгилеевском уезде.

В с. Верхние Коки во второй половине XIX – начале XX в. прослеживается рост общей численности населения. В 1913 г. этот показатель достиг 2547 человек (чуть более 1 тыс. чувашей и около 1,5 тыс. мордвы), увеличившись в 1,8 раза по сравнению с 1859 г. В 1784–1917 гг. было зарегистрировано 1225 браков верхнекоковских мужчин, из них чуть более половины (54,9%) были заключены с односельчанками. Практически каждая вторая невеста была родом из соседних, преимущественно чувашских и мордовских, сел и деревень Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губ. По существу, брачные отношения выстраивались с сородичами других локальных брачных рынков, также расположенных в преобладающем русском окружении. С мордовскими и чувашскими женщинами, компактно проживавшими в Алатырском, Ардатовском, Курмышском и Буинском уездах, брачные отношения мужчин из Верхних Кок в метрических книгах не зарегистрированы, скорее всего, их не было.

Динамика количества браков в целом по селу была положительной. С учетом выявленных временных лагун в метрических книгах можно сказать, что до середины XIX в. в среднем заключалось 5,92 брака, при этом чуть менее двух третей (59,49%) были внешними. Примерно в 1840–1850-е годы произошел существенный рост общего количества браков, и с начала 1850-х годов в селе в среднем заключалось 20 браков в год. Это было связано с укреплением православной веры среди крещеных чувашей и мордвы и их более осознанным отношением к исполнению христианских обрядов. В выборе будущих жен чуваша и мордва с. Верхние Коки придерживались сходных брачных стратегий: из десяти невест пять были из своего села и еще пять из соседних селений. Доли внутриселенческих и внешних браков у обеих этнических групп были близки к показателям в целом по селу. Разве что у мордвы доля внутриселенческих браков (56,32%) была чуть выше, чем у чувашей (54,24%).

Обе этнические группы были практически закрыты для межнациональных брачных отношений (их доля была минимальной), но в то же время достаточно активны

в поиске и выборе жен из сородичей за пределами родного села. Доля межнациональных браков, заключенных с русскими крестьянками окрестных селений, была невысока: 2,36% от общего числа браков (за весь наблюдаемый период всего 13 союзов). Жители русских селений стали включаться в брачный рынок чувашей и мордвы с. Верхние Коки сравнительно поздно, в основном во второй половине XIX в., когда в условиях отмены крепостного права возросла социальная мобильность крестьян.

Можно выделить четыре брачных круга и у мордовских, и у чувашских мужчин с. Верхние Коки. У первых ядро составляли союзы с жителями близлежащего мордовского с. Нижние Коки, у вторых — с соседями-чуваши из Смолькино и Байдулино. В целом доля браков, заключенных в рамках первого брачного круга (ядра), составляла около 50% (у чувашей — 49,77%, у мордвы — 59,12%). У чувашей линейная зависимость количества заключенных браков от расстояния между населенными пунктами прослеживается лишь в пределах первого брачного круга. Для мордвы эта зависимость носит более выраженный характер; исключением являются союзы с сородичами из с. Тумкино. Брачное поведение мужчин обеих этнических групп характеризуется географической направленностью. У мордвы прослеживается приоритетность южного (Нижние Коки, Ерёмкино, Алёшкино) и северного направлений (Тумкино), а наименее востребовано юго-западное (Кузоватово, Томылово). У чувашей в пределах сенгилеевского куста чаще выбираются северо-восточное (Федькино, Байдулино), южное (Смолькино) и юго-восточное (Малячкино, Байдеряково) направления. За пределами первых трех брачных кругов (на периферии) оставались населенные пункты к востоку от Верхних Кок (Елаур, Вырастайкино, Старый Тукшум, Сенькино и Тайдаково). Не прослеживается зависимость количества браков от статуса селений, численности жителей и их этнического состава (однородный/неоднородный). Территориально брачные отношения у чувашей и мордвы с. Верхние Коки не выходили за пределы Сенгилеевского и Сызранского уездов Симбирской губернии.

Примечания

¹ Сосновка (так сегодня называется с. Верхние Коки) находится в Тереньгульском р-не Ульяновской обл.

² ППН Симб. уз. 1915: 26, 74; ППН Алат. уз. 1913: 50, 58; ППН Карс. уз. 1914: 10, 58; ППН Сенг. уз. 1914: 18; ППН Сызр. уз. 1914: 10, 26, 58, 66, 82, 98, 122.

³ ППН Алат. уз. 1913: 3; ППН Ард. уз. 1913: 6; ППН Буин. уз. 1914: 6; ППН Курм. уз. 1914: 3.

⁴ До 1863 г. Верхние Коки были деревней, ее жители относились к приходу мордовского с. Нижние Коки. Троицкая церковь в д. Верхние Коки была построена в 1862 г. (Баженов 1903: 133).

⁵ Составлено автором по материалам: СНМ Симб. губ. 1863: 65; СНМ 1884: 38; СНМ 1897: 79; СНМ 1913: 202; ППН Сенг. уз. 1914: 42; ГАУО 3. Ф. 48. Оп. 1. Д. 362. Л. 21. Данные по численности чувашей и мордвы на 1859, 1866–1869, 1884 и 1897 гг. приводятся по селению Верхние Коки.

⁶ ГАУО 4. Оп. 2. Д. 255. Л. 1–27; Д. 256. Л. 1–22.

⁷ ГАУО 3. Оп. 1. Д. 362. Л. 21.

⁸ Составлено автором по материалам: ГАУО 1. Оп. 6. Д. 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77.

⁹ Составлено автором по материалам: ГАУО 1. Оп. 6. Д. 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77.

¹⁰ Коэффициент брачности был подсчитан на 1859, 1868, 1884, 1897, 1910–1911 и 1913 гг. Он составил в 1859 г. 15,9, в 1868 г. — 16,1, в 1884 г. — 8,3, в 1897 г. — 7,07, в 1910–1911 гг. — 7,2 и в 1913 г. — 10,9 промилле; на эти годы известна общая численность населения и есть данные метрических книг. На 1910–1911 гг. было подсчитано гипотетически среднее количество браков на основе данных об их общем числе в 1910 г. (16 браков) и в 1911 г. (22 брака), соответственно, средний показатель составил 18 браков за эти два года. Данные о численности населения в материалах Губернского статистического комитета приводятся на 1866–1869 гг., а данные по общему количеству браков

есть в метрических книгах только на 1868 г. Расчеты по всем указанным годам носят приблизительный характер, т.к. были использованы не среднегодовые значения (для этого необходимо знать численность населения на начало и на конец года, такие данные по селу отсутствуют), а сведения об общей численности населения на конкретный год.

¹¹ В Симбирской губернии в начале XX в. в среднем приходилось наделной земли на двор: у русских — 6,1 дес., у мордвы — 6 дес., у чувашей — 5,8 дес., у татар — 5,3 дес. (Николаев 2003: 109). В с. Верхние Коки в 1910–1911 гг. на одно хозяйство приходилось 5,44 дес. пашни, а всей удобной земли — 6,16 дес. (ППН Сент. уз. 1914: 45).

¹² Критерий периодизации — различия в абсолютных показателях брачности. Примерно до середины XIX в. заключалось не более 11 браков. В последующие десятилетия XIX в. возросло их общее количество, как минимум заключалось 12–15, а в среднем — 20 браков.

¹³ Составлено автором по материалам: ГАУО 1. Оп. 6. Д. 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77.

¹⁴ Денисов 1959: 199, 230–231, 236, 276; Димитриев 1978: 118; Кабузан 1990: 26–27, 142; Мокшин 1998: 149–161; Кириллов 1989: 60; Таймасов 2004: 92.

¹⁵ Денисов 1959: 241–242; Кудряшов 1989: 51–52, 57; Мокшин 1998: 168–169; Таймасов 1992: 23, 28–29; Таймасов 2004: 97.

¹⁶ ГАУО 4. Оп. 2. Д. 255. Л. 1–27; Д. 256. Л. 1–22.

¹⁷ ГАУО 5. Оп. 3. Д. 9. Л. 1–54об.

¹⁸ Также нет данных за период 1801–1813 гг., а из периода 1869–1880 гг. есть данные только за 1875 г.

¹⁹ С. Воскресенка не значится в “Материалах статистики Вятской губернии”. Вместо него обозначено Воскресенское сельское общество при Бело-Холуницком заводе. Общество состояло из горнозаводских русских крестьян. В 1893 г. завод находился на территории Главно-Холуницкой волости Слободского уезда Вятской губернии (Материалы 1896: 490).

²⁰ ГАУО 1: Оп. 13. Д. 2. Л. 71.

²¹ Данные об этническом составе жителей с. Солянки требуют дополнительной проверки, т.к. сведения из “Списков населенных мест Самарской губернии” за 1900 и 1910 гг. расходятся. В Списке 1900 г. указано, что в селе проживали русские, малороссы и мордва, само село отнесено к Нижне-Покровской волости. По Списку 1910 г. жителями села названы русские и белорусы, а село находится в Солянской волости Николаевского уезда (СНМ 1900: 372; СНМ 1910: 298).

²² ГАУО 1. Оп. 6. Д. 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77. В настоящее время с. Рахманки (Архангельское) находится в Вадинском р-не Пензенской обл., с. Солянки — в Озинском р-не Саратовской обл., а с. Царево-Никольское стало частью г. Сызрань.

²³ Это касается “Списков населенных мест”, в которых указан этнический состав населенных пунктов. Напр., в “Списке по Симбирской губернии” за 1884 г. указан только конфессиональный состав населения.

²⁴ Современное название села — Белогорское. Расположено оно в Тереньгульском р-не Ульяновской обл.

²⁵ Численность населения указана на 1910–1911 гг. Составлено автором по материалам: ГАУО 1. Оп. 6. Д. 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77; ППН Сент. уз. 1914: 4, 18, 26, 58; ППН Сызр. уз. 1914: 66, 114; СНМ 1910: 79, 298.

²⁶ ГАУО 1. Оп. 6. Д. 146, 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77.

²⁷ ГАУО 1. Оп. 6. Д. 146, 289; Оп. 11. Д. 401, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 15. Д. 36; Оп. 14. Д. 442; Оп. 21. Д. 59–62; Оп. 38. Д. 5, 16, 22, 31, 37, 46, 57, 66, 78.

²⁸ ГАУО 1. Оп. 21. Д. 91–95, 106–111; Оп. 38. Д. 18, 20–21, 43, 68; Оп. 32. Д. 287; Оп. 14. Д. 514–517, 619–623; Оп. 11. Д. 356–369; 491; СО ЦГАСО. Оп. 1. Д. 83–88; ЦГАСО. Оп. 38. Д. 1556–1559, 1600–1608.

²⁹ ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 33, 39об., 47, 50об., 55, 258об. Д. 22. Л. 102, 139, 212об., 282об.; Оп. 6. Д. 146. Л. 28об., 270об., 318об. Д. 289. Л. 84об., 133об., 136об., 138об., 139об., 189об., 244 об. Д. 356. Л. 17об.; Оп. 14. Д. 334. Л. 22об., 24об., 26об. Д. 335. Л. 22об., 26об.; Оп. 21. Д. 8. Л. 75–76об. Д. 11. Л. 35об.; Оп. 38. Д. 11. Л. 209об. Д. 48. Л. 95об.

³⁰ ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 19, 26об., 39об., 43, 51, 55, 238–238об., 259–260, 295об. Д. 22. Л. 14об., 43; Оп. 6. Д. 146. Л. 84об., 152об.; 289. Л. 24–26об., 133–134об., 137об., 186об. Д. 356. Л. 15–16об.;

Оп. 21. Д. 9. Л. 75об. Д. 12. Л. 35об. Д. 15. Л. 31об. Д. 16. Л. 40об.; Оп. 38. Д. 11. Л. 249об. Д. 32. Л. 98об., 166об. Д. 48. Л. 36об. Д. 77. Л. 46об.

³¹ ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 16об., 33, 165, 295об., 334об., 435. Д. 22. Л. 44, 211–211об.; Оп. 6. Д. 146. Л. 30об., 33об., 82об., 159об., 163об. Д. 289. Л. 81об., 133об., 186об.; Оп. 11. Д. 502. Л. 67об.; Оп. 14. Д. 334. Л. 24об. Д. 335. Л. 24об.; Оп. 21. Д. 10. Л. 62об. Д. 12. Л. 30–31об. Д. 15. Л. 35об. Д. 16. Л. 42об.; Оп. 38. Д. 63. Л. 184об. Д. 77. Л. 44–45об.

³² ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 33, 39об., 43, 50об., 55, 60об., 296–297, 376, 394, 396об. Д. 22. Л. 71об., 103об., 213об.; Оп. 6. Д. 146. Л. 30об., 215об.; Оп. 11. Д. 502. Л. 67об.; Оп. 14. Д. 335. Л. 23об.; Оп. 38. Д. 48. Л. 95об.

³³ Новокрещенные чуваша Хвалынского уезда по ревизским сказкам 1795 г. проживали в селениях Калмантай, Кармалей, Новый Атлаш, Старая Кулатка (она же Чувашская Кулатка), Старая Лебежайка и Шмалак (ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 87). В списке 1859 г. нет деревень Кулейкино и Лебежайка (СНМ Сарат. губ. 1863: 97–104). Скорее всего, за этими названиями скрываются селения Старая Лебежайка и Чувашская Кулатка. Поручители со стороны невест были чувашами, которые в конце XVIII в. вряд ли владели русским языком. Названия деревень в переводе на русский язык могли быть записаны в метриках не точно, с некоторыми искажениями – как Кулейкино и Лебедей.

³⁴ Численность населения указана на 1910–1911 годы. Составлено автором по материалам: ГАУО 1. Оп. 6. Д. 289, 356; Оп. 11. Д. 195, 502; Оп. 13. Д. 2, 22; Оп. 14. Д. 333–336, 441; Оп. 21. Д. 8–12, 14–17; Оп. 38. Д. 11, 48, 63, 77; ППН Сент. уз. 1914: 26, 34, 50, 58; ППН Сызр. уз. 1914: 114, 122, 130, 138.

³⁵ Накануне отмены крепостного права все мордовские и чувашские крестьяне селений брачного рынка с. Верхние Коки относились к категории удельных крестьян. Исключение – с. Тайдаково, в котором чуваша были помещичьими крестьянами графа Орлова-Давыдова (ППН Сент. уз. 1914: 18, 26, 34, 42, 50, 58; ППН Сызр. уз. 1914: 66, 114, 122, 130, 138).

³⁶ ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 26об., 35об., 47об., 55, 165, 260об., 277–278об., 360, 396об. Д. 22. Л. 16, 72об., 176об., 213об., 280об., 284об., 342об.

³⁷ ГАУО 1. Оп. 6. Д. 149. Л. 33об., 83–87об., 160об., 219об., 268об., 323–325об. Д. 289. Л. 29 об., 82–83об., 136–139об., 242об. Д. 356. Л. 23; Оп. 11. Д. 502. Л. 67–68об.; Оп. 14. Д. 333. Л. 22об. Д. 334. Л. 22об., 25об. Д. 335. Л. 25об. Д. 336. Л. 25–26об.; Оп. 21. Д. 8. Л. 77–79об. Д. 9. Л. 25об., 73–75об. Д. 10. Л. 64об. Д. 11. Л. 32–33об., 36–37об., 39об. Д. 12. Л. 33об. Д. 14. Л. 34–36 об. Д. 15. Л. 34об. Д. 16. Л. 39об., 44об.; Оп. 38. Д. 11. Л. 34об. 92об., 145об., 148об., 203 об., 207 об. Д. 32. Л. 36–37об., 220об., 223–224об. Д. 48. Л. 33–36об., 163об. Д. 63. Л. 31об., 112об., 114–115об., 181об. Д. 77. Л. 88–89об., 91об. 144об.

³⁸ ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 259, 434; Оп. 6. Д. 149. Л. 83об., 86об., 323об., 325об. Д. 289. Л. 26об., 28–29об., 82–84об.; Оп. 14. Д. 333. Л. 21об. Д. 335. Л. 22об.; Оп. 21. Д. 8. Л. 30об., 74 об., 76об. Д. 10. Л. 65об. Д. 11. Л. 35об. Д. 12. Л. 30об. Д. 14. Л. 32об., 37об.; Оп. 38. Д. 11. Л. 92–95 об., 147об., 204об., 206об., 247об. Д. 32. Л. 36об., 97об., 168об., 220об., 222об. Д. 48. Л. 97об., 99 об., 160об. Д. 63. Л. 185об.

³⁹ ГАУО 1. Оп. 13. Д. 2. Л. 50–51, 58, 73об., 217об., 237–238об., 277об., 297об., 335, 357–357об., 377. Д. 22. Л. 14–15, 44об., 104об., 140об., 176–179, 211об., 283–284об., 344об.; Оп. 6. Д. 289. Л. 28об., 136об., 139об., 189об., 241–242об. Д. 356. Л. 15об.; Оп. 11. Д. 502. Л. 66об.; Оп. 21. Д. 11. Л. 85об. Д. 17. Л. 31об., 33об.; Оп. 38. Д. 77. Л. 47об., 145об.

⁴⁰ ГАУО 1. Оп. 21. Д. 11. Л. 35об. Д. 14. Л. 33об.; Оп. 38. Д. 11. Л. 34об., 149об.; Оп. 38. Д. 32. Л. 35об.

Источники и материалы

Баженев Н. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарев, 1903.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области. Ф. 28.

ГАУО 1 – Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134.

ГАУО 2 – Государственный архив Ульяновской области. Ф. 99.

ГАУО 3 – Государственный архив Ульяновской области. Ф. 48.

ГАУО 4 – Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156.

ГАУО 5 – Государственный архив Ульяновской области. Ф. 322.

- Материалы 1896 — Материалы статистики Вятской губернии. Т. XI. Слободский уезд. Ч. II. Подворная перепись. Вятка: Изд-е Вятского губернского земства, 1896.
- Памятная книжка 1879 — Памятная книжка и Адрес календарь Симбирской губернии. 1879 г. Симбирск: Губернская типография, 1879.
- Первая всеобщая 1904 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXIX. Симбирская губерния. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1904.
- ППН Симб. уез. 1915 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск I. Симбирский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1915.
- ППН Алат. уез. 1913 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск II. Алатырский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1913.
- ППН Ард. уез. 1913 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск III. Ардатовский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1913.
- ППН Буин. уез. 1914 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск IV. Буинский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1914.
- ППН Карс. уез. 1914 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск V. Карсунский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1914.
- ППН Курм. уез. 1914 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск VI. Курмышский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1914.
- ППН Сент. уез. 1914 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Вып. VII. Сентилеевский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1914.
- ППН Сызр. уез. 1914 — Подворная перепись населения Симбирской губернии 1910—1911 гг. Выпуск VIII. Сызранский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1914.
- СНМ 1900 — Список населенных мест Самарской губернии. Самара: Губернская типография, 1900.
- СНМ 1910 — Список населенных мест Самарской губернии. Самара: Губернская типография, 1910.
- СНМ Саратов. губ. 1863 — Список населенных мест Саратовской губернии. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1863.
- СНМ 1863 — Список населенных мест Симбирской губернии. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1863.
- СНМ 1884 — Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Статистического Комитета, 1884.
- СНМ 1897 — Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Статистического Комитета, 1897.
- СНМ 1913 — Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Статистического Комитета, 1913. С. 202.
- СО ЦГАСО — Сызранское отделение Центрального государственного архива Самарской области. Ф. 95.
- Списки 1870 — Списки инородческих селений Казанского учебного округа: прибавления к карте инородческого населения. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870.
- ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32.

Научная литература

- Балашов В.А. (ред.) Мордва: историко-культурные очерки. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1995.
- Данилко Е.С. Из “инородцев” в “раскольники”: некоторые особенности старообрядчества в Урало-Поволжье // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона. XVIII—XXI вв.) / Ред. С.А. Дюдуаньон, К. Ле Торревеллек, О.Н. Сенюткина. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 198—211.
- Денисов В.П. Религиозные верования чувашей. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959.
- Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в ЧАССР / Сост. и науч. ред. Г.Н. Плечов. Вып. 86. Чебоксары, 1978. С. 81—119.
- Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990.
- Кириллов Р.С. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX века // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суж-

- дения и оценки. Межвузовский сборник научных трудов. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 1989. С. 59–69.
- Клейн Н.Л. Государство и частное предпринимательство в капиталистической России. Опыт Поволжья // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд / Ред. В.А. Виноградова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 357–376.
- Кобзев А.В. Татары и чуваш на перекрестке вер: тюркоязычное исламо-христианское пограничье в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Чебоксары: ЧГИГН, 2013.
- Кудряшов Г.Е. Православное миссионерство в Среднем Поволжье. История и оценка его деятельности // История христианизации народов Среднего Поволжья. Критические суждения и оценки. Межвузовский сборник научных трудов / Ред. Г.Е. Кудряшов. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 1989. С. 48–59.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Мокишин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998.
- Мокина Ю.Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, Саранск, 2003.
- Николаев Г.А. Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX вв. // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX вв. Чебоксары: Чувашский НИИ языка, литературы, истории и экономики, 1990. С. 74–92.
- Николаев Г.А. Эволюция средневолжской деревни рубежа XIX–XX веков в этническом измерении: общие контуры процесса // Вестник Чувашского университета. 2003. № 1. С. 106–115.
- Салмин А.К. История взаимодействия верований чувашей с православием // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 312–323.
- Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 1992.
- Таймасов Л.А. Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) // Acta Slavica Iaponica. 2004. Vol. XXI. P. 88–114.
- Ульянов А.Е. Крестьянское землевладение в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 102–106.
- Фокин П.П. Чувашская сельская семья в конце XIX в. – 1980-е гг. (опыт историко-этнографического исследования). Дис. ... канд. ист. наук. Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, Чебоксары, 2002.
- Ягафова Е.А. Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье (XVII – начало XX вв.). Дис. ... докт. ист. наук. Самарский гос. педагогический ун-т, Самара, 2004.
- Ягафова Е.А. Чувашы Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – нач. XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007.

Research Article

Kobzev, A.V. The Marital Behavior of the Chuvash and Mordovian Peasants in the Verkhnie Koki Village of the Simbirsk Region in the Late 18th – Early 20th Centuries [Brachnoe povedenie chuvashskikh i mordovskikh krest'ian sela Verkhnie Koki Simbirskoi gubernii v kontse XVIII – nachale XX vv.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 141–160. <https://doi.org/10.31857/S086954150002456-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alexandr V. Kobzev | <http://orcid.org/0000-0002-8380-5482> | alkobzev@yandex.ru | Autonomous Non-Commercial Organization “Center for Strategic Research of the Ulyanovsk Region” (116a Radischeva St., Ulyanovsk, 432011, Russia)

Keywords

Mordva, Chuvash, Verkhnie Koki, Simbirsk region, marriage circles, external settlement marriages, in-town marriages

Abstract

The article discusses the marriage relations of Chuvash and Mordovian peasants in the Verkhnie Koki village of the Simbirsk region in 1784–1917. I examine the dynamics and percentage of intra- and out-of-town settlements; the formation of, and changes in, the local marriage market; the hierarchy of marital relations; and the dynamics and share of interethnic marriages. I argue that during the period under consideration both ethnic groups adhered to similar marriage strategies: they were closed to interethnic marriages and at the same time are active in the search and selection of wives outside their native village; the share of interethnic marriages was minimal. Territorial marriage relations did not go beyond the boundaries of the Sengileevsky and Syzran districts of the Simbirsk region and lined up with the congeners of other local marital markets, also located in the predominantly Russian environment.

References

- Balashov, V.A., ed. 1995. *Mordva: istoriko-kul'turnye ocherki* [Mordva: Historical and Cultural Essays]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Danilko, E.S. 2012. Iz "inorodtsev" v "raskol'niki": nekotorye osobennosti staro-obriadchestva v Uralo-Povolzh'e [From "Other Nations" to "Schismatics": Some Features of the Old Believers in the Ural-Volga Region]. In *Ispovedi v zerkale: mezhekonsfessional'nye otnosheniia v tsentre Evrazii (na primere Volgo-Ural'skogo regiona. XVIII–XXI vv.)* [Confessions in the Mirror: Interreligious Relations in the Center of Eurasia (the Case of the Volga-Ural Region, 18th–21st Centuries)], edited by S.A. Diuduan'ov, K. Le Torrivellek, and O.N. Seniutkina, 198–211. Nizhnyi Novgorod: Izdatel'stvo NGLU.
- Denisov, V.P. 1959 *Religioznye verovaniia chuvashei. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious Beliefs of the Chuvashes: Historical and Ethnographic Essays]. Cheboksary: Chuvashgosizdat.
- Dimitriev, V.D. 1978. Rasprostranenie khristianstva i chuvashskie narodnye massy v period feodalizma [The Spread of Christianity and the Chuvash Popular Masses in the Period of Feudalism]. In *Problemy religioznogo sinkretizma i razvitiie ateizma v ChASSR* [The Problems of Religious Syncretism and the Development of Atheism in the CASSR], edited by G.N. Plechov, 86: 81–119. Cheboksary.
- Fokin, P.P. 2002. Chuvashskaia sel'skaia sem'ia v kontse XIX v.— 1980-e gg. (opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia) [Chuvash Rural Family in the Late XIX Century – 1980's. (Experience of Historical and Ethnographic Research)]. PhD diss., Chuvash State University, Cheboksary.
- Iagafova, E.A. 2004. Formirovanie i traditsionnaia kul'tura etnoterritorial'nykh grupp chuvashei v Uralo-Povolzh'e (XVII – nachalo XX vv.) [Formation and Traditional Culture of Ethnoterritorial Groups of Chuvashes in the Ural-Volga Region (17th – Early 20th Centuries)]. PhD diss., Samara State Pedagogical University, Samara.
- Iagafova, E.A. 2007. *Chuvashi Uralo-Povolzh'ia: istoriia i traditsionnaia kul'tura etno-territorial'nykh grupp (XVII – nach. XX vv.)* [Chuvashi of the Ural-Volga Region: History and Traditional Culture of Ethnoterritorial Groups (17th – Early 20th Centuries)]. Cheboksary: ChGIGN.
- Kabuzan, V.M. 1990. *Narody Rossii v XVIII v. Chislennost' i etnicheskii sostav* [The Peoples of Russia in the 18th Century: Number and Ethnic Composition]. Moscow: Nauka.
- Kirillov, R.S. 1989. Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi vo vtoroi polovine XIX veka [Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the 19th Century]. In *Istoriia khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ia. Kriticheskie suzheniia i otsenki. Mezhuvoznovskii sbornik nauchnykh trudov*, 56–69. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Klein, N.L. 2001. Gosudarstvo i chastnoe predprinimatel'stvo v kapitalisticheskoi Rossii. Opyt Povolzh'ia [State and Private Enterprise in Capitalist Russia. Experience of the Volga Region]. In *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii XIX–XX vv.: sovremennyi vzgliad* [The Economic History of the 19th–20th Century Russia: A Modern View], edited by V.A. Vinogradova, 357–376. Moscow: ROSSPEN.
- Kobzev, A.V. 2013. *Tatary i chuvashi na perekrestke ver: tiurkoiazychnoe islamo-khristianskoe pogranich'e v Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Tatars and Chuvashes at the Crossroads of Ver: Turkic-Speaking Islamo-Christian Borderland in Simbirsk Province in the Second Half of the 19th – Beginning of 20th Centuries]. Cheboksary: ChGIGN.
- Kudriashov, G.E. 1989. Pravoslavnoe missionerstvo v Srednem Povolzh'e. Istoriia i otsenka ego deiatel'nosti [Orthodox Missionary Work in the Middle Volga Region: History and Evaluation]

- of its Activities]. In *Istoriia khristianizatsii narodov Srednego Povolzh'ia. Kri-ticheskie suzhdeniia i otsenki. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The History of Christianization of the Peoples of the Middle Volga Region: Critical Judgments and Evaluations], edited by G.E. Kudriashov, 48–59. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Mironov, B.N. 2003. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia in the Period of the Empire (18th – Early 20th Century)]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Mokshin, N.F. 1998. *Religioznye verovaniia mordvy* [Religious Beliefs of Mordva]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Mokshina, Yu.N. 2003. Brachno-seimeinye otnosheniia v obychnom prave mordvy kontsa XIX – nachala XX veka [Marriage and Family Relations in the Customary Law of the Mordvians of the Late XIX – Early XX Century]. PhD diss., Mordovian State University, Saransk.
- Nikolaev, G.A. 1990. Sel'skoe narodonaselenie Kazanskoi i Simbirskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [The Rural Population of the Kazan and Simbirsk Provinces in the Late XIX – Early XX Centuries]. In *Sostav i polozenie naseleniia Chuvashii v XVIII – nachale XX vv.* [The Composition and Condition of the Population of Chuvashia in the 18th – Early 20th Centuries], 74–92. Cheboksary: Chuvashskii NII yazyka, literatury, istorii i ekonomiki.
- Nikolaev, G.A. 2003. Evoliutsiia srednevolzhskoi derevni rubezha XIX–XX vekov v etnicheskom izmerenii: obshchie kontury protsessa [Evolution of the Middle Volga Village of the Turn of the 19th–20th Centuries in the Ethnic Dimension: The General Outlines of the Process]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* 1: 106–115.
- Salmin, A.K. 2012. Istoriia vzaimodeistviia verovaniu chuvashei s pravoslaviem [The History of Interaction between Chuvash Beliefs and Orthodoxy]. In *Ispovedi v zerkale: Mezkhknessional'nye otnosheniia v tsentre Evrazii (na primere Volgo-Ural'skogo regiona XVIII–XXI vv.)* [Confessions in the Mirror: Interreligious Relations in the Center of Eurasia (the Case of the Volga-Ural Region, 18th–20th Centuries)], 312–323. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo NGLU.
- Taimasov, L.A. 1992. *Khristianizatsiia chuvashskogo naroda v pervoi polovine XIX veka* [Christianization of the Chuvash People in the First Half of the 19th Century]. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Taimasov, L.A. 2004. Nerusskie monastyri Kazanskogo kraia: orientiry knessional'nogo obnoveniia (vtoraia polovina XIX veka) [Non-Russian Monasteries of the Kazan Region: Guidelines for Confessional Renewal (Second Half of the 19th Century)]. *Acta Slavica Iaponica* XXI: 88–114.
- Ulianov, A.E. 2010. Krest'ianskoe zemlevladienie v Simbirskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Peasant Land Ownership in Simbirsk Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Izvestiia PGPU im. V.G. Belinskogo* 15 (19): 102–106.